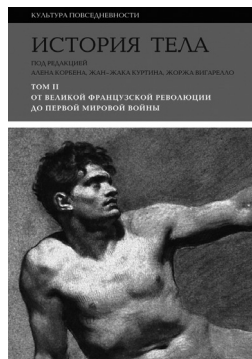

Изобретение тела: между чувственностью и патологией

«История тела» — трехтомник, подготовленный в 2005 году международным коллективом исследователей под редакцией французских историков Алена Корбена, Жан-Жака Куртина и Жоржа Вигарелло. На русском языке первая часть¹, охватывающая период от эпохи Возрождения до Просвещения, вышла в 2013 году. Второй том, рассматриваемый в данной статье, охватывает сравнительно небольшой промежуток — от Великой французской революции до Первой мировой войны. Заключительная часть трилогии посвящена XX веку. Название серии («Культура повседневности»), в которой издается книга, говорит само за себя — «История тела» представляет собой классический пример исследования в жанре новой культурной истории (*histoire culturelle*). Представители этого направления наследуют расширенное представление о культуре как исторически передаваемой системе значений, смыслов и представлений, посредством которых люди сохраняют и развивают свое знание жизни и отношение к ней². Отход от некогда традиционного понимания истории как череды великих событий, дат и биографий мертвых белых мужчин в сторону описания повседневных практик — то, что некоторые исследователи называют антропологическим поворотом, — оказался чрезвычайно продуктивным и, что примечательно, коммерчески успешным. История религиозных представлений вместо теологии, история речи вместо лингвистики, история детства, курения, кулинарии — поворот от узкоспециальной академической теории к насыщенному описанию практик снизил популярность у широкой аудитории.

Так же как и сам подход новой культурной истории, человеческое тело — сравнительно новая сфера

1. См.: История тела: В 3 т. / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. 1. От Ренессанса до эпохи Просвещения / Пер. с фр. М. Неклюдовой, А. Стоговой. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
2. Бёрк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64–91.

История тела:
В 3 т. / Под ред. А. Корбена,
Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вига-
релло. Т. 2. От Великой
французской револю-
ции до Первой мировой
войны / Пер. с фр. О. Аверь-
янова. М.: Новое лите-
ратурное обозрение,
2014. — 384 с.

интереса для социальных и гуманитарных наук; первые работы, посвященные непосредственно телесности и ее восприятию, возникают во второй половине XX века. Прежде чем стать объектом исследования, отношение к телу человека переживает трансформацию: от картезианской традиции разделения «тела» и «духа» до рождения субъекта, наделенного индивидуальными чертами у Мишеля Фуко и Норберта Элиаса.

В современном мире проявления «телесности» относятся к интимной сфере человеческой жизни — здоровье, секс, гигиена являются темами, которые немногие готовы обсуждать публично. Язык описания связанных с ними практик либо очень скован, либо предельно откровенен, и Вигарелло с командой соавторов осознанно выбирают вторую крайность, порой оказываясь на грани допустимого для «солидного» академического издания языка. «История тела» призвана привлекать внимание широкой аудитории: существенная часть второго тома посвящена разбору двух крайних, будоражащих воображение форм проявления телесной чувствительности — сексу и боли. Авторы заигрывают с интересом читателей, осознанно отбрасывая наиболее эпатажные исторические примеры (чего только стоит подробная статистика по случаям скотоложства в сельской местности), дополняя их цитатами из нормативных памфлетов и медицинских трактатов. Не остается в стороне и графическая часть: второй том книги дополнен иллюстрациями XIX века, призванными продемонстрировать изменение оптики — от идеализированных форм одалисок, нарисованных в соответствии с академической традицией,

до анатомически точной скульптуры Родена и первых эротических фотографий.

История восприятия человеком собственного тела существует, очевидно, столько же, сколько и сам человек, однако рассматриваемое во втором томе XIX столетие играет особую роль: развитие капитализма и урбанизация ускоряют темпы жизни, и за сравнительно недолгий период представления о человеческом теле переживают трансформацию куда более кардинальную, чем в предыдущие эпохи со времен Античности. Что служит толчком к рождению нового восприятия? «История тела» начинается с главы, посвященной развитию медицины в XIX веке, и это имплицитно задает канву всей работе. Каждый из нас имеет приблизительное представление о строении собственного тела; испытывая боль, мы определяем ее месторасположение благодаря приблизительным представлениям о расположении внутренних органов. Какой бы естественной ни казалась нам подобная телесная «картография», в действительности ей не более 200 лет. До середины XVII века в медицине господствует гуморальная теория, сводящая здоровье человека к балансу жидкостей в организме. Поворотным моментом в истории медицинской науки, по мнению авторов, становится институционализация клинического наблюдения к концу XVIII столетия.

Просвещенный деспот Иосиф II в 1784 году учреждает Академию медицины и хирургии в Вене; французская монархия открывает учебные госпитали-амфитеатры для повышения квалификации врачей; во многих городах Англии, Италии

и Швейцарии организуются курсы практической медицины и хирургии для вольнослушателей (14–15).

Тот факт, что клиники создаются с помощью государства, определяет инструментальный характер нового знания и сугубо функциональную роль клиник: население должно было расти и оставаться здоровым для обеспечения военного и экономического могущества страны. Госпитали XIX столетия представляют собой не только «театр изученных болезней», но и начинают принимать тех больных, чьи случаи не иллюстрируются в лекциях. Двери больниц открыты для неимущих, однако лечение представляет собой негласный контракт: «несчастный, пришедший за помощью, отдает свое тело в жертву науке и тем самым „платит“ за медицинские услуги» (16). Пожертвовать изможденным, больным телом во благо науке было едва ли не самой благородной кончиной, которую могли встретить нищие крестьяне, калеки или проститутки. Мертвое тело становится не менее важным, чем живое. Препарирование трупов, первые операции под наркозом и расширение частной врачебной практики приводят к тому, что к концу XIX века тенденция к «дроблению» человеческого тела — привычному разделению на отдельные части и органы, функционирующие как единая система, — становится устоявшейся не только в научных кругах, но и среди большинства населения.

Хотя Оливье Фор (автор главы, посвященной медицине) не говорит об этом напрямую, ключевую роль в новых представлениях о человеческом теле (представлениях, несомненно, наиболее при-

ближенных к современным) сыграла дискуссия о единстве души и тела. Институционализированные клинические исследования подкрепляют критику традиционного для Просвещения картезианского дуализма: методы наблюдения и анатомического вскрытия позволяют изучать нервную систему, сплетения рецепторов и функциональные участки мозга. Ученые и идеологи XIX века (например, Франц Йозеф Галль, Жорж Кабанис, Филипп Пинель или Ж.-М. Шарко) наделяют телесное и умственное отношениями взаимной связи: душа и тело человека отныне связаны между собой как «психика» и «соматика», а отклонения в одной из частей неизбежно отражаются в другой. Впрочем, несмотря на явную тенденцию к медикализации, говорить о господстве строго научного подхода в этих вопросах было бы ошибкой. Новое видение тела на протяжении всего столетия встречает сопротивление со стороны религиозных и политических институтов (32). Идея связи между «телесным» и «ментальным» оказывается достаточно умозрительной для возникновения трактовок и спекуляций. Влияние на нее оказывают подчас совершенно антинаучные, детерминистские представления, во многом обусловленные устоявшимися в прошлые столетия представлениями о нравственной чистоте и христианской морали. В первую очередь это касается представлений о сексуальности, описанию которых посвящена добрая половина книги: связь телесного и ментального ярче всего проявляется в крайностях — всевозможных отклонениях от нормативных представлений о репродуктивных функциях и буржуазной морали. О сексе начинают говорить, писать, признавать-

ся в слабостях и склонностях, но этот интерес далек от либерализации взглядов. Здесь авторы во многом повторяют линию рассуждений, представленную Мишелем Фуко в «Истории сексуальности»³. Сексология, возникшая в этот период, скорее стремится создать яркий каталог всевозможных извращений, чем изучить их причины. Тем не менее более пристальное внимание к источникам позволяет авторам избежать утверждений об инструментально-рациональном извращении от целостной личности больного в пользу препарируемого и подчиненного тела, за которые Фуко в свое время подвергся критике.

Обращаясь к представлениям о человеческом теле, сложно избежать фокуса на гендерных аспектах⁴. Второй том «Истории тела» хорошо иллюстрирует этот тезис: существенная часть главы о сексуальных практиках посвящена трансформации статуса женского тела. Целомудрие и стыдливость сводят до минимума прямые свидетельства, которые напрямую касались бы женской сексуальности. Специфические источники, — в числе которых, например, литература, — также остаются крайне скудными, не выходя за рамки сдержанных описаний собственного тела и волнений от флирта с юношами. Между тем развитие медицины в XIX веке сыграло с женщиной злую шутку. Различия между жен-

ским и мужским телом становятся все более отчетливыми; вслед за функциональными физическими отличиями противопоставляется все, что касается «душевного» и «ментального». Ранее существовавшее представление о женском теле как, пусть и неполноценной, разновидности мужского исторически играло важную роль в легитимации удовольствия: разве женщина не имела такого же права на него, как и ее более совершенная копия — мужчина?⁵ В устаревших медицинских теориях женский оргазм считается одним из главных условий зачатия ребенка. Однако исследования XIX века позволяют предположить, что овуляция и способность зачать у женщины никак не зависят от получаемого удовольствия. В женском оргазме нет необходимости, он бесполезен для производства потомства. Наслаждение похоже на эпилептический припадок, и, что самое опасное, женщина, будучи по природе *lustful* («сосудом греха»), может пристраститься к нему. Женская сексуальность одновременно вытесняется на периферию общественного сознания, маргинализуется и попадает под контроль медицины: до конца XIX века истерия считается типично женской болезнью. Расцвет витализма помещает очаг заболевания внутрь человеческого тела. Причиной женской истерии становится не одержимость дьяволом или помутнение рассудка, а патологии репродуктивной системы; XIX век — «век маточных болезней». Аналогом женской истерии становится мужской сатиризм — склонность к запретным практикам, излишняя похотливость ведут за собой пси-

3. См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

4. Сам интерес к телесности развивался параллельно с гендерными исследованиями. См. подробнее: Бёрк П. Указ. соч. С. 64–91.

5. История тела. Т. 1. С. 132.

хические нарушения и потенциальную опасность для общества.

Таким образом, в XIX веке тело человека одновременно «принимается», становится важным, постоянным, неизбежным и при этом постоянно отрицаемым. Осуждение сексуальной распущенности парадоксальным образом соседствует с раскованностью и допущением множественных физических контактов не только в браке. Рождается жанр эротической фотографии, впоследствии распространившейся до массовых почтовых открыток; бордели превращаются во дворцы с уютным интерьером, а самих проституток становится трудно отличить от светских замужних женщин — владельцы публичных домов перестают экономить на внешнем облике своих работниц. Но внешний антураж оказывается обманчив: между статусом тела «благородной» женщины — матери, жены и хранительницы очага — и телом проститутки пролегает огромная дистанция, которую не способен преодолеть ни один социальный лифт. Проститутка — носительница признаков вырождения; ее тело, каким бы изящным и ухоженным оно ни было, внушает опасение. Распространенность алкоголизма, курения опиума и венерических заболеваний в этой среде превращает женщину из публичного дома в истеричную носительницу признаков вырождения, совмещающую в своем образе все опасности, грозящие здоровому телу (176). Хотя новое отношение к телу как к сексуальному объекту постепенно — на протяжении всего столетия — легитимизируется, стремлению к удовольствию постоянно сопутствует страх. Природа этого страха не столько в нарушении нравственного запрета,

сколько в боязни заболевания, смерти и вырождения. На протяжении большей части XIX века человек оказывается в ловушке между строгой моралью и доступным вуайеризмом.

Второй аспект «новой телесности» XIX века, которому уделяют внимание авторы, — это изменение статуса боли и придаваемого ей значения. Здесь стоит выделить два ключевых момента: интерес развивающейся медицины к боли и в то же время внимание к боли и увечьям как источникам эмоционального страдания. В медицинском отношении XIX век становится периодом открытий: изучаются сплетения рецепторов, а в 1880-е годы начинаются исследования строения мозга. Отныне боль — не просто ощущение, но физиологическое состояние, которое выражается в повышении уровня адреналина и ряде других реакций симпатической системы (220). Если человек объединяет в себе «телесное» и «разумное», то боль, как одно из проявлений чувствительности, превращается в сложную эмоциональную конструкцию. Так, Поль Рикёр пишет:

Договоримся, что термин «боль» обозначает аффекты, локализованные в отдельных органах тела или ощущаемые во всем теле; страдание же соотносится с аффектами, переносимыми на мысль и язык, на отношение к себе и другому, к чувству, к проблематике (218).

Таким образом, субъективный опыт боли, включающий в себя эмоциональное страдание, связывается с телесной картографией.

Причины, по которым использование анестезии укореняется в медицинской практике, скорее функциональные, чем гуманистические: боль доставляет неудобства на операционном столе; она превращает сцену операции в мучительный спектакль, сопровождаемый неистовыми криками и текущей кровью. Врачи и исследователи нуждались не только в мертвом теле, доступном для изучения, но и в позитивной практике оперативного вмешательства. В этом контексте смертность от болевого шока становится серьезной преградой для прогресса самой науки; борьба с болью набирает обороты — анестезия сравнительно быстро распространяется по всей Европе и за пределами Атлантики, с начала XIX века в небольших дозах используют опиум и морфин. В 1899 году, в последний год описываемой эпохи (символично), в открытую продажу поступает самый простой, доступный анальгетик — аспирин. Если изменение отношения к боли в медицине оказывается во многом продиктовано научным прагматизмом, то социальное восприятие травм, увечий и болезней (не попадающих в категорию «постыдных») позволяет говорить если не о торжестве гуманизма, то о повышении внимания к индивидуальной личности. Закон о несчастных случаях на производстве, принятый в 1898 году, становится своеобразным завершением трансформации: отныне неприятности и зло вписаны в законы развития общественного договора (243). Искаленное тело больше не результат случайности или ошибки, человеческой глупости; теперь оно жертва социальных механизмов (244). То, что в начале столетия считалось жалким и требующим

милосердия, отныне становится предметом гордости, как протез на месте потерянной на войне конечности, либо требует компенсации от работодателя, как повреждения, полученные в цеху.

Образ тела как совокупности органов, слаженно работающей системы, оказывается революционным и к концу столетия захватывает умы не только медиков, но и других ученых. Идея общества как целостного организма, подверженного «социальным заболеваниям», влекущим за собой «вырождение», вряд ли возникла бы у социолога Герберта Спенсера и его последователей (ранних функционалистов), не окажись он под влиянием трудов Чарльза Дарвина. Впрочем, авторы уделяют внимание идеям Дарвина только в контексте их последствий: формированию тезиса о «вырождении» и расовой идеологии, сыгравшей печальную роль в первой половине XX века.

Сложно назвать ликбезом трехтомный труд, изобилующий деталями и иллюстрациями. Тем не менее работа Куртина, Корбена и Вигарелло, скорее, обобщение и систематизация актуального исторического и антропологического знания о проявлениях человеческой «телесности». Реферативный характер работы становится заметнее всего на фоне другой книги Жоржа Вигарелло, также переведенной на русский язык, — «Искусство привлекательности»⁶ (история телесной красоты), содержание которой выглядит гораздо более упорядоченным. Во втором томе «Истории тела» (впрочем, как

6. См.: Вигарелло Ж. Искусство привлекательности: История телесной красоты от Ренессанса до наших дней / Пер. с фр. А. Лешневской. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

и в первом) практически не упоминаются социально-экономические условия, оказавшие существенное влияние на практики и восприятие человеческого тела в XIX веке. Так, идея о влиянии рыночной экономики и промышленной революции на сексуальность, которую развивали как Мишель Фуко, так и Томас Лакёр, практически не упоминается в книге, а институционализации клинико-анатомического подхода в медицине благодаря усилиям монархии посвящен всего один абзац. Второстепенная роль властных институтов и политики, в принципе, является отличительной чертой исследований «культурной истории», однако стоит признать, что без них «История тела» выглядит мозаичной. Изобилующее примерами и деталями повествование авторов лишено общего знаменателя — по этой причине систематизировать прочитанное порой оказывается чрезвычайно сложно (на каждый пример приводится свой контрпример). Одной из причин противоречивости «Истории тела» является непосредственно тема исследования — человеческое тело совершенно по-разному репрезентировано в различных сферах жизни. Любую главу «Истории тела» можно закончить тезисом о неоднозначности изменений, происходящих в XIX веке.

Куда более очевидной для внимательного читателя проблемой становится

выстраивание связи между французским обществом и миром за его пределами. В самом деле, «История тела» оказывается еще более специальной по причине того, что ее авторы уделяют основное внимание только Франции. Часть, посвященная спортивной гимнастике и телесной дисциплине, включает в себя упоминания викторианской Англии; периодически упоминаются США, однако большинство статистических и фактических источников изложены на французском языке и, соответственно, посвящены Франции. Это ведет нас к неизбежной критике со стороны постколониальных исследований. Телесность как объект исследования неразрывно связана с чувствительными понятиями гендера и расы, и в этом смысле «История тела» воспроизводит колониальный взгляд на тело — исключительно белое и преимущественно западноевропейское. Впрочем, этот подход может быть вполне осознанным. «История тела» — своеобразный гимн франкофонии среди исследований повседневности. Авторский коллектив второго тома, несмотря на заявленную интернациональность, состоит в основном из французских исследователей. Редакторский коллектив серии представлен исключительно французскими учеными.

Тамара Кусимова

Вчерашние уроки

Перу Джареда Даймонда принадлежат два бестселлера — «Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ» (1997) и «Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают» (2005), а также два не столь знаменитых,

но интересных ранних исследования — «Третий шимпанзе: Эволюция и перспективы человеческого животного» (1991) и «Почему нам так нравится секс? Эволюция сексуальности человека» (1997). Все они переведены на русский язык. Лучше всех, конечно, «Ружья, микробы